

Е. В. Иванова¹

РУССКИЙ МИР ИЛИ РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ ГЛАЗАМИ А. П. ЧУДАКОВА И П. И. ЗАЙЦЕВА

В моем докладе на прошлых Лихачевских чтениях речь шла о понятии «культурно-исторический тип», которое в изучение русской культуры впервые ввел русский ученый и государственный деятель Николай Яковлевич Данилевский в работе «Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому» (1868). В дальнейшем этим понятием пользовались его последователи — Н. Н. Страхов, К. Н. Леонтьев и Ю. Н. Говоруха-Отрок. При разногласиях в вопросе о том, что составляет опре-

¹ Ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, доктор филологических наук. Специалист по литературе и религиозно-философской мысли Серебряного века, автор более 150 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Павел Флоренский и символисты», «Чуковский и Жаботинский. История взаимоотношений в текстах и комментариях», «Вольная философская ассоциация. 1919–1924», «Александр Блок: последние годы жизни».

деляющие черты культурно-исторического типа, все они сходились во мнении, что цементирующей основой национального идеала служит православие.

Обращаясь далее к очень важной, с нашей точки зрения, но редко вспоминаемой работе Д. С. Лихачева «Заметки о русском», где также речь идет по существу о русском искусстве как культурно-историческом типе, мы отмечали, что в его концепции, создававшейся в эпоху, когда православие насильственно вытравлялось из общественного сознания, уже сама культура была объявлена фундаментом единства Киевской Руси, тем связующим началом, которое проходит через всю ее историю: «Духовная, культурная власть Киевской культуры оставалась сильной и тогда, когда военное могущество Киева пало»².

² Лихачев Д. Заметки о русском. М.: Советская Россия, 1984. С. 45.

Лихачев отмечает еще одну важную особенность русской культуры — участие в ее создании людей разных национальностей: «В древней русской литературе наряду с русскими писателями выступали болгары (Киприан, Григорий Цамблак), сербы (Пахомий Логофет, Аникита Лев Филолог), греки (Максим Грек и многие другие), хорваты (Юрий Крижанич), поляки (Андрей Белобоцкий), мордвыны (по-видимому, “протопоп богатырь” Аввакум и его недооцененный противник — патриарх Никон), белорусы, украинцы (их много в XVII веке, всех не перечислишь)... Все они включались в созидательный процесс развития русской литературы»¹. Благодаря этому русский культурно-исторический тип никогда не замыкался в рамках одной национальности, носил интернациональный характер, являясь объединяющим началом русского государства.

Д. С. Лихачев в своих суждениях о русской культуре неизменно имел в виду прежде всего литературу, главным образом древнерусскую. Но русской культуре соответствовал и определенный тип хозяйствования, также связанный с религиозным обиходом, опирающийся на особое отношение к природе, в результате чего возник особый, русский тип цивилизации, создателями которого были не только крестьяне, но и широкие слои горожан — мещане, рабочие, интеллигенция. В. В. Розанов в свое время определял цивилизацию как «полноту улучшенных форм человеческого существования». А. Д. Снявский отметил еще одну важную черту: «Слово “цивилизация” предполагает, помимо прочего, длительность и устойчивость существования форм, давно отточенных временем»². В обоих случаях цивилизация понимается не как нечто противоположное культуре, как это понимал А. Блок и ряд русских философов Серебряного века, а как некое «бытовое», если так можно выразиться, выражение или даже следствие культуры, созданный ею бытовой уклад, в котором эта культура себя осуществляет.

Примерно в таком же ракурсе рассматривал русский культурно-исторический тип В. И. Фатющенко в книге «Идея жизни в русской литературе»³, где в центре внимания была особая система ценностей, созданная русской литературой, оказавшей существенное влияние на весь жизненный уклад населения России, все то, что А. Д. Снявский подразумевал под русской цивилизацией, а В. И. Фатющенко в ряде работ называл «русским миром».

Для нас важно, что этот русский мир, или эта русская цивилизация, по существу, была упразднена в 1917 году, ее остатки сознательно уничтожались в советский период, а на ее месте пытались создать советскую цивилизацию, основополагающие черты которой, теорию и даже метафизику описал А. Д. Снявский в работе «Основы советской цивилизации». Он последовательно изложил, как искореняя православие, пытались заменить его верой в коммунизм; уничтожая традиционный крестьянский тип хозяйства, заменяли

его колхозами; уничтожая классическую русскую литературу, пытались заменить ее советской литературой с особой системой ценностей. О последнем процессе в свое время писал В. Ф. Ходасевич в статьях «Литература и власть в советской России» (1931), «Литература и резолюция ЦК» (1932), «О советской литературе» (1938) и «Орденосцы» (1939)⁴.

Советская цивилизация (или советский культурно-исторический тип) описана достаточно подробно, но встает вопрос: какова была судьба традиционного русского культурно-исторического типа, который, имея такую длительную историю за плечами, не мог исчезнуть в одночасье? Рассмотрим две книги последних лет о судьбе русской цивилизации в советское время.

Как представляется, наиболее ярким литературным произведением о русской цивилизации, написанным в последние годы, стал роман Александра Чудакова «Ложится мгла на старые ступени», признанный жюри «Русский Букер» лучшим русским романом десятилетия 2001–2010 годов. Большую часть жизни А. П. Чудаков был известен как литературовед, специалист по творчеству А. П. Чехова. Однако главное свое сочинение он назвал романом, и в дневниковой записи от 27 февраля 1985 года так объяснил обращение к этому жанру: «Вдруг пришла в голову простая мысль: все мои идеи о предметном мире, экологии, современном человеке и вещи устройстве мира не могут вписаться в традиционные жанры статей или даже книги (о чем я тоже думал). Об этом надо писать прозу!»⁵

Однако в результате возникла не совсем обычная проза. Это скорее воспоминания о детстве, проведенном в Казахстане, городе Чебачинске, где жили семьи политических ссыльных, по существу определявших культурный и хозяйственный уклад города. Это не вполне роман в традиционном его понимании, несмотря на то, что перед читателем проходят судьбы большого числа людей. Вымысел совершенно отсутствует, перед нами скорее воспоминания, автобиография, где скрупулезно описан тот особый мир, который принесли сюда так называемые «бывшие»: утраченные ныне представления о морали, долге, отношении к природе, об охране которой, судя по книге А. П. Чудакова, «бывшие» начали задумываться на несколько десятилетий раньше, чем в нашем лексиконе появилось слово «экология». Приехав на учебу в Москву, окунувшись в атмосферу советского учебного заведения, позднее работая в советском академическом институте, А. П. Чудаков все время ощущает этот мир за своими плечами и невольно сравнивает его с новым, советским. Сравнение оказалось явно не в пользу той «советской цивилизации», изучать которую А. П. Чудакову пришлось с первых шагов в Москве. В результате он со временем ощутил себя посланцем другой цивилизации, описать которую он и пытается в своем романе.

В процессе работы над романом автор записал в дневнике: «Это будет последний роман-идиллия — ностальгия по доиндустриальной эпохе,

¹ Лихачев Д. Указ. соч. С. 44.

² Снявский А. Основы советской цивилизации. М.: Аграф, 2002. С. 5.

³ Фатющенко В. Идея жизни в русской литературе. М., 2011.

⁴ Ходасевич В. Статьи о советской литературе // Вопросы литературы. 1996. Июль-авг. С. 173–213.

⁵ Чудаков А. П. Из дневников, записных книжек, писем // Чудаков А. П. Ложится мгла на старые ступени: роман. М., 2002. С. 516.

но не патриархальной <...>, а русско-интеллигентски-патриархальной, осколок дворянского XIX века»¹. Себя он называет «представителем последнего военного поколения — представителем особым, свободным в детстве от яда советской пропаганды»². По существу, тема романа — вещный мир детства героя, которого в романе зовут Антон, мир людей, среди которых он рос, и возвышающийся над всеми как некая вершина дед автора, выпускник духовной семинарии, ставший агрономом и научивший внука видеть в труде смысл существования человека. Бережно, по крупинкам воссоздан предметный и хозяйственный мир, окружавший героя в детстве. В этом мире одежду носили на протяжении всей жизни (в начале романа читаем: «дед аккуратно повесил на спинку стула черный пиджак, оставшийся от тройки, сшитой еще перед Первой мировой войной...») Между тем дело происходит в Чебачинске уже после Второй мировой войны), белье для всей семьи стирала своими руками бабушка — воспитанница института благородных девиц, до конца жизни сохранившая привитые там навыки.

Среди тех, кто окружал Антона в Чебачинске, были ссыльные разных национальностей из многих уголков страны: латышская и польская интеллигенция, немцы Поволжья, депортированные чеченцы; математику в школе преподавал доцент Ленинградского университета, литературу — доцент из Куйбышева, физкультуру — чемпион СССР по десятиборью и т. д. Кроме того, в начале войны туда же была эвакуирована группа ученых из Академии наук, и герою романа довелось увидеть академика Вернадского, специалиста по буддизму академика Щербатского, кораблестроителя академика Крылова.

Благодаря всем этим обстоятельствам А. П. Чудаков застал, а в зрелом возрасте еще и описал то, что Аркадий Аверченко некогда назвал «осколками разбитого вдребезги» — остатки дореволюционной русской цивилизации, которая на протяжении столетий созда-

валась силами всех населявших Россию народов и угасала вместе с уходом из жизни людей, получивших собирательное название «бывшие». То, что мы потеряли с их уходом, передают слова деда перед кончиной, в которых он подвел некий итог произошедшей на его глазах смене двух цивилизаций: «Они отобрали сад, дом, отца, братьев. Бога они отнять не смогли, ибо царство Божие внутри нас. Но они отняли Россию. И в мои последние дни нет у меня к ним христианского чувства»³. Словом, роман получился о «России, которую мы потеряли», о той русской цивилизации, угасающие черты которой А. П. Чудаков бережно и любовно описывает в своем романе.

Еще одно произведение, которое также описывает утраченный мир русской цивилизации, — «Записки пойменного жителя» Павла Зайцева. Впервые небольшой фрагмент «Записок» был опубликован в журнале «Новый мир» (1994, № 11) и частично в журнале «Наш современник», в 2012 года в Рыбинске книга вышла полностью. Это рассказ о русской Атлантиде, или о граде Китеже, хотя нет никакой надежды на то, что он когда-нибудь воскреснет. В «Записках» рассказывается о крестьянской цивилизации, которая испокон века существовала в пойме между реками Мологой и Шексной и погрузилась на дно в момент создания весной 1941 года Рыбинского водохранилища. Автор книги не профессиональный литератор, по профессии он рабочий, в прошлом коренной житель этих мест. Как и А. П. Чудаков, он бережно описывает мир, погубленный в результате так называемого преобразования природы, бессмысленного и беспощадного. Перед нами и здесь вещный мир, бытовой и жизненный уклад, навеки погребенный на дне водохранилища. Обе книги, столь разные, воссоздают то, что некогда было тем самым культурно-историческим типом, о котором писали русские философы и который ушел безвозвратно, без всякой надежды на воскресение.

¹ Чудаков А. П. Указ. соч. С. 544.

² Там же. С. 545.

³ Там же. С. 500.

⁴ Научный сотрудник Лондонского университета. Автор